

— Он не убежал... Как же истребить его с корнем? — произнёс Сыма Шаоцзюнь, улыбаясь уголками глаз и глядя на городскую стену. — Яньшэнь, иди.

— Слушаюсь.

Князь Ли стоял на городской стене, наблюдая за развевающимися на ветру знамёнами внизу, его руки были покрыты холодным потом.

— Сыма Шаоцзюнь, ты настроил отца против меня, загнал меня в тупик, как же ты жесток!

— Сыма Шаоли, ты сам навлёк на себя беду, раскрыл секреты Миньюэ, из-за чего поездка князя Чэна в Бэйюн и Сюаньчэн закончилась провалом. Какой же ты эгоистичный и близорукий, а ещё здесь разглагольствуешь! — Лю Яньшэнь холодно фыркнул и махнул рукой, после чего воины начали штурм города.

Через час...

Князь Ли укрылся в резиденции, окружённый последними оставшимися солдатами, которые с тревогой смотрели на дверь, их руки, держащие мечи, дрожали.

— Яньшэнь, успири город и преследуй остатки повстанцев, — приказал Сыма Шаоцзюнь, шагнув внутрь.

Князь Ли стоял в углу двора и, увидев его, отступил ещё дальше, схватив стоявшую рядом женщину и направив кинжал вперёд.

— Сыма Шаоцзюнь, отпусти меня, иначе она погибнет.

— Князь... — крикнула женщина.

Сыма Шаоцзюнь на мгновение задержал взгляд на её лице, затем, неспешно подобрав полы своего халата, сел на стул и с мягкой улыбкой обратился к князю Ли:

— Старший брат, ты ведь устроил мятеж. Как я могу тебя отпустить?

— Сыма Шаоцзюнь, если ты не отпустишь меня, твоя любимая погибнет.

— Жунжун, ты пожертвуешь собой ради страны, и я навсегда запомню твою доброту. Я позабочусь о твоей семье, — спокойно произнёс Сыма Шаоцзюнь, сохраняя улыбку.

Князь Ли замер, женщина перед ним также оцепенела, не веря своим ушам.

— Князь... Что... Что вы сказали?

— Я сказал, что ты можешь уйти с миром.

Глаза князя Ли нервно дёрнулись, он смотрел на Сыма Шаоцзюня, его щека подёргивалась.

— Тебе... Тебе всё равно?

— Сыма Шаоли, если бы не защита покойной императрицы и помощь госпожи Чжан, я бы не знал, как ты дожил до этого дня, — Сыма Шаоцзюнь слегка нахмурился, выражая раздражение. — Если бы я не плел лжи, ты бы не попал в эту ловушку.

— А я? — растерянно спросила Жунжун.

— Ты... жертва, — Сыма Шаоцзюнь улыбнулся уголками глаз, глядя на них. — Всегда приходится чем-то жертвовать ради успеха, не так ли?

Он улыбался, вдыхая запах крови, смешанный с ветром и снегом южного пригорода Сюаньчэна.

Рука князя Ли дрожала, в его глазах скрывался глубокий страх. Он оттолкнул Жунжун, посмотрел на блестящее лезвие и, стиснув зубы, вонзил кинжал в свою шею.

— Фэй Ин!

Звяк! Летящий дротик отбил кинжал. Сыма Шаоцзюнь поднял руку, останавливая Фэй Иня, и обратился к князю Ли:

— Теперь моя очередь.

— Отец... Отец... — раздался детский крик.

Князь Ли резко поднял голову, уставившись на человека, которого держал Фэй Ин.

— Сыма Шаоцзюнь, я член императорской семьи, преступления не должны касаться семьи.

Сыма Шаоцзюнь приподнял бровь, взглянув на ребёнка.

— Сыма Шаоли, меня интересует лишь одно: как ты убедил Чу Юэбая помочь тебе бежать из столицы? Разве он не советник князя Юя?

Ха... Князь Ли лишь косо посмотрел на него, не отвечая.

— Ах! — раздался крик.

Фэй Ин сжал руки на шее ребёнка, постепенно усиливая хватку. На солнце было видно, как лицо мальчика меняло цвет.

— Я случайно узнал, что Чу Юэбай — принц из чужого царства, у него свои планы! Ах... отпусти его, Сыма Шаоцзюнь... отпусти! — Князь Ли бросился вперёд.

Сыма Шаоцзюнь поднял руку, Фэй Ин остановился. Ребёнок упал на землю, уже без сознания. Сыма Шаоцзюнь посмотрел на них, кивнул Фэй Иню и ушёл.

Яростное пламя охватило здание, огонь был настолько сильным, что крики внутри не были слышны. Сыма Шаоцзюнь стоял на городской стене, не отрывая взгляда от пламени, его взгляд был холодным, а на губах играла улыбка.

— Князь, если Его Величество спросит о сыне князя Ли... — неуверенно спросил Лю Яньшэнь.

— Скажите Его Величеству, что князь Ли, устрашённый небесным гневом, поджёг себя.

Сыма Шаоцзюнь повернулся, поправил рукава и с той же скромной и учтивой улыбкой обратился к Лю Яньшэню:

— Пойдём, нам нужно встретиться с тем принцем из чужого царства. Без него Сыма Шаоань —

ничто.

— Князь Чэн.

— Герой Чжо. — Сыма Шаоцзюнь поспешно встал и поклонился. — Благодаря вам это удалось. Без осторожности Чу Юэбай мне пришлось бы потратить немало усилий.

— Князь Чэн, вы слишком добры. Человек доставлен, я откланиваюсь. — Чжо Цинфэн поклонился.

— Герой Чжо, с вашими навыками и стратегическим умом, не желаете ли покинуть мир бродяг и служить при дворе? — Сыма Шаоцзюнь остановил его, искренне спросив.

Ха... Чжо Цинфэн усмехнулся и поклонился.

— Я привык к свободной жизни, вряд ли подхожу для двора.

— Прошу прощения за дерзость. — Сыма Шаоцзюнь выглядел разочарованным.

Чжо Цинфэн снова посмотрел на него, задумавшись, и сказал:

— Однако я люблю общаться с героями мира. Князь Чэн, вы — выдающийся человек, я считаю вас другом.

— Брат Чжо. — Сыма Шаоцзюнь улыбнулся и шагнул вперёд. — Для меня это честь.

Чжо Цинфэн ушёл, Фэй Ин посмотрел на него и тихо сказал:

— Князь, Чжо Цинфэн — старший ученик Большого Снежного хребта. Горы Снежного хребта стоят выше мирской суеты, но его поведение несколько необычно.

— Верно, поэтому он не согласился, но и не отказался. — Сыма Шаоцзюнь кивнул. — Хорошо, лишь бы он был полезен.

— Уаа...

Плач ребёнка резко оборвался, сопровождаемый звуком падения. Женщина неподалёку на мгновение застыла, затем упала на землю с душераздирающим воплем, мгновенно впав в безумие.

— Чу Юэбай, ты знаешь, чего я хочу? — Сыма Шаоцзюнь хлопнул в ладоши, бесстрастно спросив.

Ха... Чу Юэбай лежал на земле, покрытый ранами. Он посмотрел на женщину, уже оцепеневшую вдалеке, и, опираясь на руки, косо посмотрел на Сыма Шаоцзюня.

— Я так же хорошо знаком с этими методами, так что они на меня не подействуют. Я не предаю свой народ.

— Не ожидал, что ты так предан. — Сыма Шаоцзюнь оставался без эмоций, не показывая разочарования, и пнул ребёнка, едва дышавшего на земле. — Попробуем ещё раз?

— Ааа! — Ещё один душераздирающий крик.

Женщина потеряла сознание, истекая кровью. Чу Юэбай смотрел туда, его глаза покраснели, пальцы впились в землю, ногти сломались.

В камере был только Сыма Шаоцзюнь. Он усмехнулся, шагнул вперёд и, наклонившись, посмотрел на Чу Юэбая:

— У каждого есть слабость, если он кого-то любит. Я думал, ты это понимаешь, поэтому не дашь шанса. Видимо, я переоценил тебя.

Ха... Ха-ха... Ха-ха-ха! — Чу Юэбай, опираясь на стену, поднялся и, глядя на него, засмеялся.

Сыма Шаоцзюнь лишь смотрел на него, слегка прищутив глаза.

— Князь Чэн? — Чу Юэбай перестал смеяться, на его лице появилась странная улыбка. — Я знаю, что ты делаешь.

— О? — Сыма Шаоцзюнь не выразил ни согласия, ни отрицания.

— Ты мстишь! Ты хочешь смыть позор! — Чу Юэбай смотрел на него, его странная улыбка расширилась. — Жаль, князь Чэн, те годы в Бэйюнском дворце не сотрёшь! Господин Лань?

Сыма Шаоцзюнь оставался спокойным, посмотрел на него и сказал:

— Я думал, ты хотя бы умнее Сыма Шаоаня, но теперь оказался лишь болтуном. Это разочаровывает.

— Потому что я тебя раскусил. — Чу Юэбай прищурился, его глаза блестели злобой. — Ты мучил князя Ли, устроил ловушку, чтобы схватить меня, потому что ты хочешь мстить. Ты хочешь отомстить всем, кто толкнул тебя в те годы. Господин Лань... Ты не безразличен, ты просто хорошо притворяешься.

Сыма Шаоцзюнь сжал губы, его челюсть напряглась, он мрачно смотрел на него. Чу Юэбай изучал его выражение, его улыбка становилась всё более искажённой, почти болезненной.

— Князь Чэн... Нет, молодой маркиз Му, ты каждую ночь вспоминаешь своего Шестого принца, просыпаешься в ужасе от кошмаров. Ты избегаешь женщин не из-за целомудрия, а потому что тебя преследуют кошмары. Ты ненавидишь каждого, кто приближается к тебе, и ещё больше ненавидишь себя. Ха... Я, возможно, умру, но что ты будешь делать, оставшись в живых?

— Ааа! — Сыма Шаоцзюнь вцепился пальцами в его рану, его глаза покраснели. — Да, я мщу, но не за себя. Я родился в грязи, но вы толкнули в бездну того, кто принадлежал свету. Никакие мучения не смогут это искупить.

— Но его больше нет! — Лицо Чу Юэбая исказилось от боли, но его глаза оставались спокойными. — Единственный, кого ты мог принять, единственный, кто мог приблизиться к тебе, исчез! Твой Шестой принц ненавидел тебя!

Чу Юэбай умер. Никто не осмелился смотреть на его лицо в момент смерти. Фэй Ин молча расправился с его телом. Он, вероятно, был единственным, кто оставался бесстрастным, ведь он видел те годы в Юнцзине — наполовину золотые, наполовину тёмные.

Пятый год эры Цзяньпин, малолетний император Бэйюн.

<http://bllate.org/book/16170/1454282>